

это предчувствовать: это лишь отчасти правда жизни, а слишком часто — идеологическое ее толкование.

Современная Россия не прислушивается к Солженицыну, потому что он ныне говорит не как пророк, а как ворчливый обыватель. Может быть, поэтому справедливо не обращать на его слова слишком большого внимания. Но было бы и крайне несправедливо, и просто абсурдно, если бы русские или мы здесь на Западе забыли громадное дело, совершенное писателем, человеком, европейцем иногда наперекор самому себе — так же, как Россия принадлежит к Европе и не может жить вне ее, несмотря на то, что не всегда это понимает и не всегда умеет сопротивляться тем, кто прельщается ей найти свои истинные духовные корни".

А Америка?

Взглянем теперь на статью совсем другого жанра и в совершенно иной газете — в американской "Уолл-стрит джорнэл". Тут религиозное, в частности христианское, встречается редко. Правда, автор статьи — американка русского происхождения Людмила Торн, всю свою жизнь, весь журналистский и писательский труд посвятившая России. Она посвятила свой очерк гораздо больше настоящему Солженицыну, его нынешней жизни, тем его произведениям, которые сейчас так часто подвергаются суровой критике, чем его героическому и славному прошлому.

(Впрочем, тут, вероятно, справедливо будет сказать, что у Солженицына очень трудно отделить прошлое от настоящего, ибо все, что было им сделано и написано, — неотъемлемая часть его личности и его жизненного пути, в какой-то момент им самим, вероятно, неправильно понятого).

Автор статьи в американской газете с большим вниманием изучила все написанное и сказанное писателем за последние годы, ставя себе при этом достаточно ясно прослеживаемую задачу: защитить Солженицына от нападок тех, кто — по разным причинам — во что бы то ни стало хочет представить его как реакционера, правого экстремиста и чуть ли не фашиста. Надо сказать, что в Европе такой подход уже давно исчез, хотя в свое время существовал и усердно поддерживался советской пропагандой. Что же касается отношений Солженицына с американской общественностью или с тем, что принято считать американской интеллектуальной элитой, то они друг друга не узнали и не поняли, для чего было множество самых разнообразных причин. (Людмила Торн вспоминает, в частности, знаменитую "Гарвардскую речь" писателя, в которой американские СМИ захотели увидеть неприятие Солженицыным свободы, в то время как в Европе она была воспринята как гимн свободе).

Очень много внимания автор статьи уделяет благотворительной и просветительской деятельности Солженицына и созданного им (на огромный доход от продажи "Архипелага ГУЛАГ", из которого он не оставил себе ни копейки) Фонда помощи узникам совести и их семьям. И ныне фонд этот оказывает поддержку, а может быть, просто позволяет выжить нескольким тысячам всеми забытых людей.

Выше мы уже упоминали о том, что это было не только делом милосердия, но и мудрым стратегическим движением в сражении с тоталитаризмом. Нельзя забывать, что это был первый шаг к доказательству способности и возможности человека или маленькой группы людей силой духа и солидарностью сопротивляться насилию мощной и безжалостной государственной машины. А это, конечно, начало раскрепощения, освобождения и — Людмила Торн совершенно права — демократии.

От себя же можем добавить, что глубокую грусть и недоумение вызывает отказ одного из самых великих борцов за свободу и права человека нашего времени понять и признать, что, каковы бы ни были ошибки и как бы глубоко ни были посеяны зародыши коррупции и лжи, Россия за последние восемь лет все же постепенно выходила из пропасти и в этом своем отчаянном усилии нуждалась в поддержке, в просвещении, в положительных союзах, а не в попытках разрушения того, что удалось построить.

ИРИНА ИЛОВАЙСКАЯ

Демонстративный отказ Александра Солженицына от высшей государственной награды можно объяснять по-разному. Можно упрекать президентскую администрацию и Ельцина лично — за недипломатичность и излишнюю настойчивость (ведь предупреждали же их!), можно соглашаться с писателем, когда он рассуждает о бедственном положении сегодняшней России. Но все-таки то, что мы переживаем сегодня, — это прежде всего боль, гнев и безысходная тоска. Человек слаб и несовершенен — каждый день приносит все новые подтверждения этой печальной истины. Но когда слабость и несовершенство отбрасывают свой неровный ответ на долгую, многотрудную жизнь, прожитую великим человеком — причем не в одиночку, а вместе со страной, — тогда слабыми, несовершенными и грешными становимся все мы вместе.

Совсем не так давно — лет десять-пятнадцать назад — Александр Солженицын предрекал России, которую семьдесят пять лет подряд переезжало красное колесо, не менее чем два века разрухи и тягот на пути к нормальной жизни. Тогда он понимал и помнил, что такое три четверти века ГУЛАГа и шарашек. Думаю, что он не мог не понимать и другого: исцеление начнется нескоро и, по всей вероятности, уже после него.

Прошло совсем немного времени. Коммунизм развалился, проклиная перед смертью всех, кто его разваливал, — и далеко не в последнюю очередь несгибаемого "вермонтского отшельника". Минули первые семь из тех двухсот лет разрухи, страданий и лишений, которые отводил Александр Исаевич на залечивание последствий коммунистической гангрены. И вот сегодня он публично проклинает "эту" (то есть посткоммунистическую) "власть", которая "довела Россию до нынешнего гибельного состояния", отрекается от "этой власти" и, как мне кажется, несмиренно торжествует над ней. Что ж, может быть, у него есть на это право — по его заслугам, да по нашим грехам?

Но тут у меня возникает вопрос, для меня самого очень болезненный. Где был "великий писатель земли русской", когда русская земля в корчах сбрасывала с себя пропитанную ядом коммуни-

Не по правде

стическую шкуру? Когда каждого его слова ждали, как глотка живительного воздуха свободы и правды? Когда точно, мудростью и бескомпромиссностью "меча, хорошо отточенного на нечистую силу", готова была прирасти новая, свежая и молодая, Россия? Сегодня принято считать, что тогда, в 90-м, Солженицына не услышали и не оценили, сам он грешит на необычность своего обогащенного Далем словаря (и на нашу неготовность к употреблению термина "обустроить"). Но беда была совсем не в

ну, его встречали, затаив дыхание. От него ждали если не чуда — то хотя бы помощи и поддержки, проблеска света, точного слова и живой мысли. А услышали новые поучения.

Над страной сгустились багровые тучи. Коммунисты — всё более наглые, всё более жестокие и всё более безнаказанные, раз за разом блокировали жизненно необходимые законы, раздували в обществе ненависть и рознь, лгали и витийствовали. Но обратился ли против этой нечистой силы "хорошо отточенный меч"?

Александр Солженицын в российской глубинке.

этом! Просто каждое слово пространного трактата нам очень трудно было принять. Казалось, что в нем присутствует высокомерная снисходительность, отчужденность и оторванность от настоящей, живой России, от ее бед и обид.

А что говорил и делал Александр Исаевич, когда страна начала все-таки выходить из рабства? Сколько помнится — если не молчал, то ворчал. Ростропович спешил в августовскую Москву, чтобы заслонить Россию своей виолончелью от пугозовских танков, — а Солженицына мы не слышали. В октябре 93-го Россию чуть было не сбросило в пропасть кровавого, террористического реванша — Солженицын безмолвствовал.

Когда писатель вернулся в свою стра-

И даже в те летние дни 96-го, когда "демократический" возврат красных к власти был вероятен как никогда, великий писатель не просто молчал — он смущал и соблазнял народ своими мутными и темными речами о "двух злах", из коих невозможно выбрать, речами, в тот момент работавшими исключительно на Зюганова и зюгановцев.

За последний месяц в стране случилось многое. Коммунистические нацисты вышли на финишную прямую, их зубы клацают у самого горла страны. Думская горилла Макашов под снисходительные ухмылки своих охотничьих поделничков призывает к новому геноциду. Солженицын молчит. Лощеный последыш коммунистических палачей Селезнев

призывает вернуть в Россию каторгу, а ражие охотничьи вместе с правой рукой московского градоначальника готовы приволочь в центр столицы кощунственное железное пугало. Солженицын безмолвствует. Но вот "неправильный", "ошибочный", "не тот" президент Ельцин, открывший Солженицыну путь домой и прошедший все эти семь (первых из двухста) лет в центре жуткого круговращения, практически не имеющий шансов встретить когда-нибудь собственный восьмидесятилетний юбилей, просит русского писателя принять самую высшую русскую награду. В ответ — велемечивые публичные оскорбления...

Горько и стыдно все это наблюдать.

Солженицын — великий писатель, знаменитый общественный деятель. Он перевернул душу нескольким поколениям думающих людей в России и во всем мире. Он человек со сложным характером, перенесший множество тяжелых испытаний и проживший долгую и трудную жизнь. Но исторические ошибки имеют обратную силу, особенно если они приносят роковой, может быть, вред народу и стране. То, что делает сегодня Солженицын — выступая практически заодно с красными ненавистниками России, ее всегдашними супостатами, против слабой власти и еще более слабого народа, — можно даже расценить как нравственный коллаборационизм. Можно только еще раз повторить: это горько и больно, когда речь идет о таком человеке, как Александр Солженицын.

...А сегодня Россия как бы осиротела. "Матренин двор" опустел — последний "великий писатель земли русской" его оставил. Иван Денисович остался один — сегодня Солженицын не в России Ивана Денисовича. Он в другой России — Лукиных, Парвусов и Прохановых, Макашовых, Зюгановых и Троцких. Бирнамский лес остановился, хорошо заточенный на нечистую силу меч выпал из ослабевших почему-то рук.

"Еще многое мне и вблизи не видно, еще во многом поправит меня Высшая Рука", — так писал Александр Исаевич в 1973 г. Может, действительно поправит? Дай Бог.

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВ

Москва